

Леопольд фон Захер-Мазох

Нерон в кринолине

*Часть сборника
Новеллы Русского двора
(сборник)*

Леопольд Захер-Мазох

Нерон в кринолине

«Институт соитологии (ИС)»

Захер-Мазох Л. ф.

Нерон в кринолине / Л. ф. Захер-Мазох — «Институт соитологии (ИС)», — (Новеллы Русского двора)

ISBN 978-5-457-10895-0

«— Раскрыт новый заговор гвардейцев! С таким утренним приветом 23 мая 1765 года Орлов ворвался в опочивальню императрицы Екатерины Второй...»

ISBN 978-5-457-10895-0

© Захер-Мазох Л. ф.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Леопольд фон Захер-Мазох

Нерон в кринолине

I

– Раскрыт новый заговор гвардейцев!

С таким утренним приветом 23 мая 1765 года Орлов¹ ворвался в опочивальню императрицы Екатерины Второй.

Она резко вскочила с постели и, схватив его за шитый золотом ворот мундира, притянула к себе.

– Ты арестовал их, Григорий? – гневно воскликнула она.

– Они у тебя в руках, Катерина.

Императрица удовлетворенно кивнула, обнажив в улыбке красивые зубы, затем накинула на плечи легкий домашний халат, отороченный фландрскими кружевами, дернула шнур колокольчика и созвала доверенных людей. Не обращая больше на Орлова внимания, она, скрестив на груди руки, принялась в задумчивости расхаживать по спальне. Спустя несколько минут вокруг нее собрались княгиня Дашкова², граф Панин³, тайный советник Теплов⁴ и генерал-лейтенант Вегмар.

Последней появилась госпожа фон Меллин⁵ – прекрасная амазонка, в звании полковника командовавшая Тобольским полком – в зеленом военного покроя камзоле, маленькой треуголке, кокетливо прилаженной к парикку, и с нагайкой в руке. К ней-то в первую очередь и обратилась императрица.

– Седлайте коней, дорогая Меллин, – все еще в возбуждении воскликнула она, – раздайте своим солдатам боевые заряды и ведите свой полк сюда на смену гвардейцев. Потопитесь!

Прекрасный полковник отдал честь и стремглав вылетел из спальных покоев императрицы.

– Снова заговор гвардейцев, – между тем продолжала Екатерина, – наступит ли когда-нибудь конец этим брожениям против меня? Чего добиваются люди, которые бросаются мне под колеса точно обезумевшие индусы под колесницу своей богини? Я вынуждена раздавить их, а я не хочу крови. Вот уже двадцать два года в моей столице не ставили эшафоты, но сегодня я хочу наказать виновных в назидание другим! Граф Панин, спешно отправляйтесь в казарму наших гвардейцев и ободрите соблазненных: Теплов, соберите Сенат. Генерал Вегмар, ваши войска должны перекрыть ведущие ко дворцу улицы, а пушки Орлова вывести на огневые позиции площади.

При этих словах императрица сделала жест в сторону окна.

¹ Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783), граф, фаворит Екатерины II, генерал-фельдцейхмейстер русской армии (1765–1775). Первый президент Вольного экономического общества.

² Дашкова Екатерина Романовна (1743–1810), княгиня, дочь графа Р. И. Воронцова; участница государственного переворота 1762 г.; в 1783–1794 гг. директор Петербургской и президент Российской академии.

³ Панин Никита Иванович (1718–1783), граф, государственный деятель и дипломат. Русский посланник в Дании, Швеции (1748–1760). Участник дворцового переворота 1762 г.; воспитатель Павла I; в 1763–1781 гг. руководил Коллегией иностранных дел; автор конституционных проектов.

⁴ Теплов Григорий Николаевич (1711–1799), адъютант, затем советник Российской АН, руководитель Комиссии о духовных имениях (1762), статс-секретарь императрицы.

⁵ Меллин, графиня фон Меллин, об этом историческом персонаже сохранились скудные сведения. Известно, например, что биограф Екатерины II В. А. Бильбасов, давая портрет императрицы, ссылается при этом на воспоминания графини Меллин.

Каждый из присутствующих с глубоким поклоном поспешил выполнять повеление неограниченной властительницы России.

Вскоре после этого депутация гвардейцев, которые несли караул во дворце, потребовала, чтобы сама Екатерина их выслушала. Она слегка побледнела, но велела впустить их. Депутация – два офицера, два унтер-офицера, два солдата – строевым шагом проследовала в покои и выстроилась шеренгой.

Императрица неторопливо прошла вдоль фронта, пристально глядя в глаза каждому из вошедших, а затем остановилась спиной к туалетному столику, опершись на него руками.

– Кто вас выбирал?

– Наш полк.

– С какой целью?

– Мы требуем правосудия для своих товарищей.

– Вы просите помилования?

– Правосудия.

– Будет им правосудие, – побагровев от гнева, воскликнула императрица, – и вам тоже! При следующем комплоте я велю казнить каждого десятого из вашего полка.

– Если вы на это отважитесь, – смело заявил выступающий по поручению солдат молодой офицер.

– Время покажет, на что я способна, до свидания! – Екатерина повернулась к ним спиной и подошла к окну. – Идите!

Гвардейцы не тронулись с места.

– Идите! – властно повторила она им.

– Мы не уйдем!.. Выпустите наших людей! – наперебой закричали они.

– Выпусти их! – воскликнул молодой офицер, неучтиво схватив Екатерину за руку.

Княгиня Дашкова отдернула его руку. В этот момент донеслась дробь барабанов Тобольского полка, и на улице промелькнул белый плюмаж госпожи Меллин.

– Я их не выпущу, – холодно ответила Екатерина. – Бунтовщиков ждет суровое наказание. А теперь о вас. Тот, кто ходатайствует за возмутителей спокойствия – сам возмутитель спокойствия. – Она быстро подошла к молодому офицеру и выхватила шпагу у него из ножен. – Вы мой пленник. И вы тоже, – повелительно крикнула она остальным, – сдавайтесь по доброй воле, вы у меня в руках.

По полу загревели приклады, в дверях появилась госпожа Меллин, ее солдаты заняли все входы и выходы. Молча, понутив головы, депутаты гвардейцев позволили арестовать и увести себя. Вскоре уже со всех сторон раздалась дробь барабанов: пушки Орлова и Вегмар следовали по пятам госпожи Меллин; народ волнами перекатывал с места на место, скорее любопытный, чем возбужденный, гвардейцы покорились и теперь через Панина умоляли пощадить виновных. Мятеж на этом закончился.

– Я хочу наказать их в назидание другим, – сказала Екатерина, – я дала слово. – Одновременно она приподняла кружевной рукав и брезгливо посмотрела на пятно, оставленное на ее полной руке грубой пятерней молодого мятежника. – Я хочу видеть, как скатятся с плеч их головы.

– На сей раз придется умерить аппетит, – возразил Орлов, – не стоит рисковать. Публичная казнь может стать для нас причиной новых бесчисленных опасностей.

– Неужели мы настолько слабы?

– Мы слабы, пока жив цесаревич Иван⁶, – сказал Панин, – гвардейцы провозгласили его законным царем.

⁶ Иван VI Антонович (1740–1764), цесаревич, российский император (1740–1741), правнук царя Ивана V. За младенца правил сначала Э. И. Бирон, затем мать Анна Леопольдовна (1718–1746, внучка Ивана V), умершая в ссылке. Свергнут

– Кто именно провозгласил его?

– Духовенство, которое не доверяет вашему величеству, уязвленное вашими новыми реформами.

– Так что же, нам теперь придется безнаказанно отпустить бунтовщиков? – спросила Дашкова.

– Они должны умереть, – сверкая глазами, воскликнула императрица, – заточите их в казематы без света, еды и питья, пусть они сгниют там.

Энергичным шагом расхаживая по комнате, эта прекрасная женщина с обнаженной, пышной, гневно вздымающейся грудью изрекала смертный приговор своим врагам.

– Стяните войска во дворец, в казармы и прикажите им оставаться под ружьем до самого вечера. Я же верхом на лошади покажусь народу. А сейчас мне надо одеться, – лукаво улыбнувшись, добавила она. – *Au revoir*. (До свидания (франц.).)

Они остались наедине: Екатерина Великая, как в свое время окрестил ее Вольтер, и Екатерина Маленькая, как двор в шутку называл княгиню Дашкову.

Императрица находилась в самом расцвете своей красоты – среднего роста очень изящных пропорций фигура, несколько пышноватая для кринолина, она казалась изваянной для пьедестала античной богини. Вольность ее кружевного negligé приоткрывала то ее маленькие ступни, то великолепную грудь.

Кроме того, она была мастерицей перевоплощения, ее голова тотчас же выдавала в ней великую женщину, рожденную властвовать. Ее лицо выражало простодушное самообожание, лучезарную радость самой себе. Высокий благородный лоб, большие ясные голубые глаза, смелые гневные брови, тонкий энергичный изогнутый нос, эти маленькие уста с прелестными пухлыми губами, казавшимися слишком маленькими для поцелуев, этот выразительно развитый округлый твердый подбородок, эта шея амазонки, по-нероновски маленькие уши, пышные сухие светло-рыжие волосы, которые потрескивали под гребнем и метали искры, похожие на миниатюрные молнии, – все это отчетливо говорило: эта женщина неукротимо жаждет владычества и наслаждения, но она наделена гением царствовать, повелевать, наслаждаться, наделена сильной волей, которую препятствия только подстегивают. Впрочем, она не лишена была и ловкости обходить их, если невозможно было преодолеть.

В этой женщине нет и следа сентиментальности, но нет и жестокости. Она не побрезгует никакими средствами для быстрого и полного достижения своей цели, она переступит через кровь своих недругов, если того требуют обстоятельства, но она не станет никого мучить. Да, по ее лицу чувствуется тонкая человеческая натура с печатью известной доброты, доброты льва по отношению к мыши.

Она очень опасная деспотиня, создает вокруг себя атмосферу сладострастия, каждый добровольно преклоняет перед нею колени, и каждая шея готова подставить себя под ее ярмо.

Екатерина Маленькая полная ей противоположность. Княгиня Дашкова – субтильная духовная женщина с беспокойными движениями, бледным нервным личиком, бесконечно смышленным, бесконечно переменчивым и бесконечно пикантным.

Обе дамы долго молчали, затем неожиданно посмотрели друг на друга. Они прекрасно поняли, о чем думала каждая.

– Не заняться ли нам, Катенька, туалетом? – говорит императрица и освобождает волосы. – Нет! – внезапно меняет она решение и топает ногой. – Давай лучше поговорим.

Княгиня быстро прошла к двери, ведущей в переднюю, выглянула наружу и снова закрыла. Затем уселась на табурет у ног императрицы и едва слышно сказала:

гвардией при воцарении Елизаветы, заключен в тюрьму. Описываемые события происходили в 1764 г., а не в 1765 г., как ошибочно указывает автор.

– Ивану придется умереть.

– Да, ему придется умереть, – глухо промолвила императрица, при этом меланхолично, точно влюбленная девушка, подперев голову рукой.

– Ты не можешь допускать, чтобы тебе противились, – продолжала горячо шептать Дашкова, – каждый день приносит новые опасности, новые препятствия. Ты имеешь право сметать их со своего пути, это даже твой долг, потому что твоя стезя ведет наверх. Ты руководишься великими человеческими идеями, ради них ты должна пожертвовать этим слабоумным мальчишкой. Ивану придется умереть.

– Ты единственная душа на свете, которой я по-настоящему доверяю, моя единственная подруга, – начала Екатерина Вторая.

– Нет, у тебя нет друзей, – прервала ее княгиня, – как друзей, так и врагов ты обращаешь в инструмент для своих деяний. Ты права. Я тоже для тебя всего лишь инструмент. Но меня ты привязываешь прочнейшими узами подлинной симпатии. Я люблю человечество, я люблю свое отечество, а ты служишь и тому, и другому, держа в руках бразды.

– Я хочу, – ответила Екатерина Вторая, – если это окажется мне по силам, повлиять на формирование будущего, по-своему продолжить историю. Видишь, я мыслю так. Французские философы открыли великую истину: человек рожден для свободы, однако свободным он может стать только благодаря образованию. Я правлю огромной страной. И я хочу сеять в этой стране образование, чтобы здесь когда-нибудь тоже взошли семена свободы.

Я знаю, что ни один человек не имеет права поработить другого, но моя природа требует власти, неограниченного господства. И если однажды ради того, чтобы властвовать, мне понадобилось бы растоптать образование и свободу, я ни секунды не сомневаюсь, что сделала бы это безо всяких раздумий. Но в этой стране моя воля не знает пределов, здесь я могу повелевать подобно Александру, удовлетворять любой свой каприз подобно Нерону и действовать на благо человечества как философ. Настоящее принадлежит мне, будущее же я без зависти могу отдать своему народу. Я не хочу просто называться «Северной Семирамидой», как льстиво называет меня Вольтер, а я хочу быть ею на самом деле.

Поверь, наши пороки прощаются нам земным могуществом, а не слабостью, и разве мои проекты недостаточно грандиозны, недостаточно человечны, чтобы не принести им в жертву или иную глупую голову, не оправдать ту или иную бесчеловечность?

– Твоя политика приводит Европу в изумление, – возразила Дашкова.

– Франция и Австрия видят себя обманутыми тобой, когда ты идешь рука об руку с Фридрихом Великим⁷. Католические державы удивленно взирают на то, как ты решаешься открыто защищать диссидентов в Польше, как ты даешь этому неугомонному народу короля в лице Понятовского⁸, являющегося твоим венценосным рабом.

– Все дело в смелости, Катенька. А у меня хватает смелости делать большую политику. Я решила двигаться вперед не оглядываясь, безжалостно. Прежде всего я хочу сделать Россию великой. Нити моей дипломатии с успехом действуют во всех направлениях, мои армии угрожают Швеции, Польше, Турции и Азии одновременно. Я намерена изгнать турок из Европы и разделить Польшу: мой народ должен подняться из состояния варварства. В жизнь проведены крупные реформы. Моя империя стоит высоко в вопросах веротерпимости, расцветает торговля и ремесла. Я знаю, какой недуг тормозит развитие нашего сельского хозяйства, и намерена с корнем вырвать его, я хочу отменить крепостное право. Хочу созвать в свою столицу делегатов от всех народностей моего государства, чтобы они выработали свод новых законов. И это собрание должно заложить основу парламента.

⁷ Фридрих II Великий (1712–1786), король Пруссии с 1740 г., из династии Гогенцоллернов, выдающийся полководец.

⁸ Понятовский Станислав (1732–1798), последний польский король (1764–1795), был посажен на трон Екатериной II.

– Делал ли когда-нибудь хоть один монарх все это добровольно, если к тому не вынуждал его бунт?

– Я же делаю это, потому что хочу, и это дает мне право властвовать. А то, что я вынуждена приобретать это право такой дорогой ценой, разве в этом моя вина? Я ненавижу Марию-Терезию⁹ за то, что ей так легко быть одновременно великой и добродетельной. Но сильное сердце не может жить без любви и честолюбия.

– Я свергла своего супруга¹⁰, убив его, потому что должна была это сделать, потому что не любила его и потому что хотела сама царствовать. Он на это был неспособен. Если бы он уступил мне трон добровольно, я бы его пощадила. Я вынуждена была рано или поздно пролить кровь, чтобы править, сейчас же ни о чем подобном и речи быть не может. Тот, кто поднимает против меня мятеж, сгниет в каменных застенках моих крепостей. Я имею право царствовать, и я хочу царствовать!

Княгиня бросила на ее многозначительный взгляд.

– Ты, верно, Катенька, полагаешь, что я заблуждаюсь относительно своего положения, – продолжала императрица. – Однажды я написала Вольтеру... Что именно? – она задумалась. – А написала я следующее:

«На бескрайних просторах России год – это всего лишь день, как тысячелетие до пришествия Господа. Это извиняет меня за то, что я еще не так много успела сделать, как мне хотелось бы. Сюда добавляется множество сырых и сопротивляющихся элементов, недовольство всех тех, кто строил свои надежды на ниспровержении престола и теперь видит себя обманутым, всех тех, кто считает, что мои реформы угрожают его интересам. До сих пор мне удавалось удачно лавировать, сталкивая между собой партию Орлова и партию Панина и заставляя их обе служить в конечном итоге моему делу, я запрягла сообщников в свою триумфальную колесницу. Разве не комичная ситуация, что врача, приготовившего отраву отцу, я назначила личным врачом сына?»

– Личным врачом твоего сына, наследника престола, – вставила княгиня.

Императрица пожала плечами.

– Даже возлюбленного я превратила в своего раба, и все же каждый новый день грозит мне новыми дурными приметами. Когда в царской горностаевой мантии я торжественно въезжала в Москву, меня приветствовал там лишь чей-то одинокий ликующий крик? Народ на улицах стоял молча и дивился пышному великолепию. Гвардейцы раскаются в содеянном, а это тщеславное духовенство, с которым я веду борьбу оружием века, разве оно не противопоставляет мне чучело, этого придурковатого цесаревича Ивана? Однако у этого чучела, к несчастью, в жилах течет кровь, и мне придется-таки эту кровь пролить против собственной воли.

– Но как? – с подкупающим простодушием спросила Дашкова.

– Как? – Императрица глубоко задумалась. – Как? В том-то и весь вопрос. Любое кровавое пятно на горностаевой мантии отвратительно. Лично мне не следует проливать новую кровь.

– Разве в том есть необходимость? – засмеялась маленькая княгиня, теребя кружева, оторачивающие утренний халат своей государыни. – Ты примешь его смерть в качестве чьей-либо любезности, не привлекая к себе внимания.

– Ты полагаешь?.. Кстати. Ты выглядишь очень бледной. Не кручинишься ли ты часом по своему генералу в Польше? Может мне предоставить твоему мужу отпуск?

⁹ Мария-Терезия (1717–1780), австрийская эрцгерцогиня с 1740 г. из династии Габсбургов; императрица Австрии.

¹⁰ Петр III Федорович (1728–1762), внук Петра I, российский император с 1761 г. Был свергнут с престола 28 июня 1762 г. в результате переворота в пользу его жены, будущей императрицы Екатерины II.

– Боже упаси, – живо воскликнула Дашкова, умоляюще простирая руки к деспотичной подруге, – ты меня пугаешь.

Царица засмеялась и легко приобняла ее за шею.

– Твоя петля еще крепко сжимает Панину горло, моя маленькая?

– Он живет рядом со мной в Гатчине.

– Вот и славненько. И сейчас тебе меньше всего следует ослаблять хватку, Катенька, ты должна держать его под контролем. Этот старый повеса был бы не прочь посадить на трон моего сына, мальчика Павла¹¹, чтобы стать при нем регентом. Глаз с него не спускай и... держи в петле.

– Положись на меня.

Императрица встала, подошла к окну и замолчала.

– И все же бывают такие мгновения, моя маленькая, – произнесла она спустя некоторое время, – когда владычество утомляет меня и приводит в уныние.

Дашкова не шелохнулась.

– И хуже всего, Катенька, так это то, что Орлов мне наскучил!

¹¹ Павел Петрович (1754–1801), сын Екатерины II и Петра III, российский император (1796–1801)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.